

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей работы является изучение форм скотоводства у армян Восточной Армении во второй половине XIX и в начале XX вв. До настоящего времени исследователи посвящали свои работы монографическому изучению скотоводческого хозяйства различных народов Кавказа в целом¹. Однако сегодня встают задачи не только монографического изучения скотоводческого хозяйства отдельных народов или районов, но и задачи сравнительно-исторического и типологического его изучения, что стоит в прямой связи со значительными успехами, достигнутыми в области археологии, этнографии, исторической географии и зоотехнии.

Скотоводство, наряду с земледелием, — древнейшее занятие армян, о чем свидетельствуют многочисленные археологические, историко-географические и этнографические материалы. Природные условия Армянского нагорья создавали благоприятные условия для развития скотоводства, и в течение веков здесь сложились традиционные системы ведения скотоводческого хозяйства и формы организации труда, различные обряды и обычаи, изучение которых имеет важное значение для правильного освещения различных сторон материальной и духовной культуры народа.

Изучение форм скотоводства интересно не только с точки зрения культурных завоеваний народа, но и с хозяйственной точки зрения. Всестороннее изучение способов ведения скотоводческого хозяйства в различных историко-этнографических районах в

рассматриваемое время позволит выявить те прогрессивные производственные навыки, которые можно применять и в наши дни, и вскрыть те недостатки и вредные обычаи, которые в прошлом мешали развитию скотоводства и не изжиты по сей день. Поэтому этнографическое изучение скотоводства, помимо научного, может иметь и практическое значение².

Настоящая работа не ставит себе целью дать характеристику основных форм скотоводства у армян на протяжении всего известного нам исторического периода (что является задачей будущего), а освещает лишь период второй половины XIX — начала XX в. Поэтому в ней главное внимание обращено на изучение основных форм скотоводства в различных историко-этнографических районах Восточной Армении рассматриваемого периода и приведен сравнительный материал как по другим историческим эпохам, так и по другим регионам народов. В связи с этим важное значение имеет использование такого метода, который позволил бы определить границы территориального распространения отдельных форм скотоводства и разнотерриториальные различия между ними. Исходя из этого, при характеристике различных форм скотоводства и их подтипов за основу берется не тот или иной район, а форма скотоводства с начертанием ареалов ее распространения в различных частях Восточной Армении. Сильная изрезанность рельефа и ярко выраженная зональность в известной мере

¹ См. Ч. В. *Բնակչության, Անասնապահությանը Հայաստանում*, рукопись (не закончена), Архив отдела этнографии Ин-та археологии и этнографии АН Арм. ССР (далее: АОЭ); Ц. Н. *Бжания*, Из истории хозяйства ахов, Сухуми, 1962; В. М. *Шалиладзе*, Скотоводство в Западной Грузии, рукопись (на груз. яз.), Архив отдела этнографии Ин-та истории, археологии и этнографии им. П. А. Джавахишвили АН Груз. ССР; Т. *Топурия*, Скотоводство в Мегрелии, рукопись (на груз. яз.), хранится в том же архиве и др.

² Не случайно, что крупнейшие дореволюционные (А. А. Калантар, Х. А. Вермишев и др.) и советские зоотехники (А. Э. Тамамшв, Х. А. Ерицян, М. Д. Рчеулишвили, А. А. Рухкян и др.) немало важное значение придавали изучению исторических фактов и этнографических данных, поскольку «исторические факты... в некоторых случаях дают нам ключ для правильного понимания современного состояния отдельных вопросов овцеводства (читай — скотоводства. — Ю. М.) и изыскания путей его дальнейшего улучшения...» (см. М. Д. *Рчеулишвили*, Огонно-пастбищное овцеводство Грузии и пути его улучшения, Тбилиси, 1957, стр. 15).

обусловили исторически сложившиеся формы скотоводства. Поэтому если в одних случаях, в одном и том же районе можно было встретить ведение различных форм скотоводства, то в других одну и ту же форму скотоводства можно было наблюдать в различных историко-этнографических районах.

Так как в дальнейшем изложении мы часто будем пользоваться термином «форма скотоводства», нам представляется необходимым дать его определение. В специальной литературе³ под формой скотоводства понимается комплекс прочно установившихся приемов и методов ведения скотоводческого хозяйства, который включает: особенности содержания скота в различные периоды года, систему заготовки корма и кормления, систему воспроизводства стада и, наконец, систему организации труда. Однако при этнографическом изучении форм скотоводства исключительный интерес представляет выявление генетической связи отдельных элементов материальной культуры и быта народов с практиковавшимися формами скотоводства, ибо последние, затрагивая многие стороны быта и культуры, вызывают в них большое разнообразие.

Таким образом, настоящая работа посвящена исследованию основных форм скотоводства у армян Восточной Армении и выявлению генетической связи отдельных элементов материальной культуры и быта с практиковавшимися формами скотоводства, что имеет важное значение для разработки ряда конкретных и общих вопросов армянской этнографии.

В дореволюционной армянской этнографической литературе вопросы скотоводства, не только в интересующем нас плане, но и в целом, нашли слабое отражение.

Вольше материалов по формам скотоводства мы находим в «Трудах» Кавказского Общества сельского хозяйства, основанного в 1850 г. В «Трудах» содержатся ценные сведения о годовом скотоводческом цикле, наем пастухов и формах организации труда, о зимних и летних пастбищах, народном опыте в подборе и выведении различных пород скота и др., представляющие большой интерес с этнографической точки зрения.

По богатству материала в интересующем нас плане особенно отличаются исследования, помещенные в «Сборнике материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» (далее МИЭБГКЗК; вышло 7 томов, 1885—1889 гг.)

³ См. Л. М. Зальцман, Системы ведения животноводства и их особенности в разных зонах Союза ССР, «Советская зоотехника», № 12, 1952; А. П. Мовсисянц, О рациональном использовании сезонных пастбищ. Там же, 1952, № 10.

и «Материалах для устройства казенных летних и зимних пастбищ для изучения скотоводства на Кавказе» (далее МУКЛЗПИСК; вышло 4 тома, 1887—1899 гг.).

Некоторые материалы о формах скотоводства у армян мы находим и в ряде других сборников—«Сборник сведений о Кавказе», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК) и др., издававшихся на Кавказе. Авторами статей, помещенных в этих сборниках, нередко были и известные этнографы, такие как С. П. Зелинский, Г. Ф. Чурсин, Е. А. Лалаян и др.⁴ По богатству материалов в интересующем нас аспекте особый интерес представляют статьи о хозяйстве и материальной культуре жителей различных историко-этнографических областей—Сюника, Арцаха, Гехаркуника, Араратской долины, Джавахка и др.⁵

В 80-х годах прошлого столетия уже были сделаны первые попытки по изучению различных форм скотоводства у закавказских народов, и в этом отношении особого внимания заслуживают работы Х. А. Вермишева и А. А. Калантара, в которых авторы, на основе анализа большого фактического материала, дают характеристику важнейших способов ведения скотоводческого хозяйства в различных частях Кавказа и связанных с ними некоторых сторон быта населения⁶.

Несмотря на то, что в последующее время появляется значительная этнографическая литература по вопросам скотоводства, однако разработке интересующей нас проблемы было уделено мало внимания. В середине 50-х годов научный сотрудник Института истории АН Арм. ССР В. С. Темурджян (ныне покойный)

⁴ См. С. П. Зелинский, Этнографические очерки из быта армян, СМОМПК, вып. 2, Тифлис, 1882; Е. А. Лалаян, Ванский вилает (Васпуракан), там же, вып. 44, 1915; Г. Ф. Чурсин, Амулеты и талисманы кавказских народов, там же, вып. 46, Махачкала, 1929 и др.

⁵ См. Н. Григоров, Село Татев Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии, СМОМПК, вып. 13, 1892; А. Тер-Маркаров, Село Гезалдара Новобаязетского уезда Эриванской губернии, там же, вып. 17, 1893; Е. Мелик-Шахназаров, Селение Ариванк Загезурского уезда Елисаветпольской губернии, там же, вып. 25, 1898; О. Косянц, Село Картикам Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии, там же, вып. II, 1891; Х. Асмаров, Село Арагва Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии, там же, вып. II; Г. Осипов, Селение Даш-Алты Шушинского уезда Елисаветпольской губернии, там же, вып. 25, 1898; Н. Ширакунц, Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии, там же, вып. II и др.

⁶ См. Х. А. Вермишев, О скотоводстве на Кавказе в связи с пастбищным вопросом, МУКЛЗПИСК, т. I, 1887; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, там же, т. II, 1890.

написал работу, посвященную монографическому изучению скотоводства у армян, однако в ней интересующая нас проблема совершенно не ставится.

Формы скотоводства у народов Закавказья нашли свое отражение в работах А. З. Тамамшева, А. А. Рухкяна, Х. А. Ерицяна, И. И. Калугина, М. Д. Рчеулишвили, Г. Е. Авакяна и др.⁷, посвященных изучению различных отраслей скотоводства.

Особенно выделяется работа А. З. Тамамшева, где автор рассматривает основные формы скотоводства у народов Закавказья. А. З. Тамамшев выделяет три основные формы скотоводства: 1) кочевую—когда скот перегонялся с зимних пастбищ на летние и обратно без перевода на стойловое содержание; 2) полукочевую—когда скот перегонялся на летние пастбища, а по возвращении с них содержался в селении и 3) оседлую (или стационарную)—когда скот в течение всего года находился при селении, в теплое время на выпасах, в холодное—в стойле⁸. Автор совершенно справедливо связывает полукочевое и кочевое скотоводство с наличием в Закавказье полукочевого и кочевого населения⁹; оседлое же скотоводство А. З. Тамамшев связывает с оседлым населением, причем отмечает, что оседлое население может практиковать как отгонное скотоводство, так и оседлое. Такое определение, правильное в принципе, несколько расходится с приведенной выше классификацией. Действительно, если полукочевое и кочевое скотоводство автор связывает с полукочевым и кочевым населением, то остается утверждать, что оседлое население практи-

ковало только оседлое скотоводство, а этому противоречит весь комплекс материалов по скотоводству. Очевидно, к вышеперечисленным трем основным формам скотоводства следовало бы добавить и четвертую, а именно «отгонную» (выражаясь терминологией самого автора).

А. З. Тамамшев обращает внимание на тот факт, что «надо различать понятия—форма скотоводства и быт населения, каковые понятия нередко смешиваются»¹⁰. К сожалению, этому интереснейшему вопросу автор уделяет мало места, но само методическое указание на необходимость разработки этой важной проблемы весьма ценно.

Ряд интересных наблюдений и положений мы находим в работах Х. Ерицяна, в которых автор рассматривает вопросы, связанные со сложением и живучестью в Армении отгонного скотоводства, а также некоторые особенности быта армянского населения, сложившиеся под влиянием практикуемой формы скотоводства. Особый интерес представляют указания автора на связь многосемейности с практикой отгона скота на сезонные пастбища, а также на существование института «кясм» и другие, на которых мы подробно остановимся в соответствующих разделах работы. Здесь лишь укажем, что вызывает возражение определение «двузонаное животноводство»¹¹, которое Х. А. Ерицян дал практикуемой в Армении форме скотоводства, а также тенденция к преуменьшению места оседлого скотоводства в Восточной Армении во второй половине XIX—начале XX вв. Этнографические материалы показывают, что в ряде районов отчетливо проявляется и трехзонаность, характеризующаяся содержанием скота в селении или на отдаленных пастбищах—зимой, домазде (присельских пастбищах)—весной и осенью и летовках (сар)—в летний период; т. е. здесь наглядно проявляется вертикальный разрез по зонам (долины, предгорья и горы). На эту особенность скотоводства в Лори обратил внимание Д. С. Вардумян¹². Принятие термина «двузонаное животноводство» для определения наиболее распространенной формы скотоводства вряд ли целесообразно ввиду его ограниченности и некоторой расплывчатости.

Заслуживает внимания работа В. М. Шамиладзе¹³, в которой специальный раздел по-

¹⁰ А. З. Тамамшев, указ. раб., стр. 18.

¹¹ См. Х. А. Ерицян, Проблема двузонаного животноводства в Армении, Избранные сочинения, стр. 292 и сл.

¹² См. Г. П. Чхаджидзе, *Հոսկիները եւր կենցաղը, Խր., 1956*, стр. 42—43.

¹³ См. настоящую работу, прим. 2. Далее будем цитировать по автореферату кандидатской диссертации—Скотоводство в Западной Грузии, Тбилиси, 1965.

⁷ См. А. З. Тамамшев, Исследования современного состояния животноводства ССР Армении, Тифлис, 1930; *его же*, Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван, 1947; А. А. Рухкян, Овцеводство Арм. ССР и пути его качественного улучшения, Ереван, 1948; Х. А. Ерицян, Избранные сочинения, Ереван, 1960; И. И. Калугин, Исследования современного состояния животноводства Азербайджана, тт. 1—5, Баку, 1930; М. Д. Рчеулишвили, К истории овцеводства Грузии, Тбилиси, 1953; *его же*, Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения, Тбилиси, 1957; Գ. Ե. Ավագյան, *Ոչխարաբուծությունը դարձադրամի մի քանի հարցերը Հայկական ՍՍՀ, Եր., 1961*.

⁸ См. А. З. Тамамшев, Крупный рогатый скот..., стр. 17.

⁹ Следует отметить, что в условиях Закавказья кочевое население имело известные элементы оседлости в районах зимних стоянок, а перекочевки имели место всегда в одних и тех же границах, что придавало местному скотоводческому хозяйству ряд черт, отличавших его от «классического» кочевого скотоводства степей (см. «Народы Кавказа», ч. II, М., 1962, стр. 71—72).

связи форм скотоводства. Автор ставит интересные вопросы, связанные с определением той формы скотоводства, которая была распространена в Аджарии (юго-западная Грузия), и на основе анализа конкретного этнографического материала приходит к выводу, что во второй половине XIX в. на указанной территории практиковались различные подтипы отгонного скотоводства («трансюманс» и «кнццла»)¹⁴. Вызывает возражение определение «ййлажное (альпийское) скотоводство»¹⁵, даваемое В. М. Шамиладзе форме скотоводства, которая являлась основной в Грузии. Термины «ййлажное» или «альпийское» скотоводство слишком общи, поскольку ййлажное (или альпийское) скотоводство в горных условиях может выступать в разных формах, как-то: вертикально кочевой (ведь известно множество кочевых племен Закавказья, которые зимой держали скот на низменностях и в степях, а летом перегоняли на высокогорные пастбища, они также практиковали ййлажное скотоводство), полукочевой, отгонной и т. д.

По всей видимости, следовало бы найти более точное определение, характеризующее его особенности и главные признаки. В. М. Шамиладзе нередко использует также термин «грузино-кавказский тип ййлажного скотоводства»¹⁶, который также нуждается в дополнительном уточнении.

Следует в связи с этим отметить, что нередко можно встретить, как разные (а иногда и один и те же) авторы, описывая одну и ту же форму скотоводства (или же весьма сходные), в качестве синонимов используют такие определения, как, например, полукочевая, ййлажная, двузонная, альпийская, полукочевая-отгонная и т. д. Такое положение может внести только путаницу в изучение форм скотоводства. Когда речь идет о характеристике такого многообразия форм скотоводства, какое мы наблюдаем в этнографической действительности Закавказья во второй половине XIX в., определенность в терминологии имеет большое значение, поскольку само определение уже в известной степени является научным обобщением. Вполне понятно, что многообразие форм скотоводства на Кавказе значительно затрудняет употребление строгой терминологии при их характеристике. Поэтому при определении приходится брать во внимание наиболее типичные стороны, отклоняясь от исключительных случаев.

Определить форму скотоводства — это значит выявить те специфические признаки, кото-

рые, во-первых, являются более или менее устойчивыми и, во-вторых, будучи взятыми в совокупности, дают основу для различения одной формы от другой. Однако во всех случаях определение должно основываться на конкретном анализе материала, во избежание утилитарности способов ведения скотоводческого хозяйства.

Этнографическое изучение форм скотоводства во взятых нами хронологических рамках, без широкого использования данных археологии и письменных источников, было бы неполным и ограниченным, потому что многие принципиальные вопросы, связанные со сложением и развитием практиковавшихся форм скотоводства остались бы вне поля нашего зрения. Исходя из этого, в настоящей работе в сравнительно-историческом аспекте широко использованы материалы, относящиеся к более раннему периоду. Последние подразделяются на две большие группы: вещественные памятники отдаленных эпох, а также сведения, содержащиеся в трудах армянских и зарубежных историков и путешественников.

Благодаря трудам Б. Б. Пиотровского, Н. В. Арутюняна, А. А. Мартиросяна, Г. А. Меликишвили, С. К. Дали, Н. О. Бурчак-Абрамовича и др.¹⁷ вопросы скотоводства в доурартский и собственно урартский периоды освещены довольно полно. Данные археологии не только позволили установить наиболее распространенные виды домашнего скота в древнейшем Закавказье, но и определить время возникновения скотоводства на интересующей нас территории, а также охарактеризовать особенности развития скотоводства и его форм у

¹⁷ См. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л., 1949; *его же*, Кармир-олур, I—III, Ереван, 1950—1955; *его же*, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. «Советская археология», XXIII, М., 1955; *его же*, Ванское царство, М., 1959; Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964; *его же*, Новые урартские надписи, Ереван, 1966; А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961; *его же*, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964; Г. А. Меликишвили, Напп-Урарту, Тбилиси, 1954; С. К. Дали, Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блур, «Известия АН Арм. ССР (естественные науки)», 1947, № 10; *его же*, Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского гор. Тейшебаини, «Известия АН Арм. ССР (общ. науки)», 1952, № 1; *его же*, Череп примитивного быка ранней бронзы в Джарджарисе, «Труды Государственного музея Армении», вып. I, 1959; Н. О. Бурчак-Абрамович, Находки домашнего осли в культурных слоях государства Урарту (окрестности г. Еревана), «Природа», 1948, № 2; *его же*, К изучению крупного рогатого скота древнего Мингечаура, ДАН Азерб. ССР, 1949, № 10.

¹⁴ См. В. М. Шамиладзе, указ. раб., стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 9—10.

¹⁶ Там же, стр. 10.

закавказских племен в III—I тыс. до н. э. (работы Б. Б. Пиотровского).

Для более поздних времен наши сведения дополняются данными клинописных памятников (преимущественно ассирийских и урартских), документирующими высокий уровень развития скотоводства в урартскую эпоху.

В многочисленных исторических трудах средневековых армянских авторов, начиная с V и вплоть до XVIII вв., мы находим, хотя и редкие, но весьма ценные материалы о различных видах скота, о способах выпаса, об изготовлении продуктов скотоводства и, что особенно важно для нас, об использовании зимних и летних пастбищ. Эти данные, а также сведения греческих авторов—Геродота (V в. до н. э.), Ксенофонта (V—IV в. до н. э.), Страбона (I в. до н. э.—I в. н. э.) и др.¹⁸ определенным образом свидетельствуют об использовании летних пастбищ Армении либо самими армянами, либо другими народами. Уже во времена Ксенофонта основным занятием армян было земледелие, но земледелие, предполагавшее довольно развитое скотоводческое хозяйство. Ксенофонт сообщал, что армяне для ведения местного скотоводческого хозяйства нуждались в приобретении права пользования летними пастбищами,¹⁹ что, несомненно, свидетельствует об уже сложившейся ранее традиции использования горных пастбищ в летний период. Страбон, описывая Армению, особо подчеркивает, что эта страна богата пастбищами.²⁰

Аналогичные материалы мы находим и у средневековых армянских историков—Гевонда (VIII в.),²¹ Ованеса Драсханакертци (IX в.),²² Степаноса Орбеляна (XII в.),²³ Мовсеса Каганкатвадци (X в.)²⁴, Киракоса Гандза-

кеци (XIII в.)²⁵ и др. Хотя эти сведения в большинстве случаев несистематичны, тем не менее, данные археологии и письменных источников в известной степени позволяют выявить, хотя бы в общих чертах, эволюцию некоторых форм скотоводства, а также охарактеризовать некоторые стороны быта армян, связанные с ведением этой отрасли хозяйства.

Некоторые материалы относительно скотоводства можно почерпнуть из замечательного памятника средневековой армянской литературы «Судебника» Мхитара Гоша (XII—XIII)²⁶, в котором многие статьи, касающиеся внутренней жизни крестьянской общины, почти целиком основаны на обычном праве²⁷, что делает его бесценным историческим источником.

Другая группа вопросов, подлежащих рассмотрению, связана с выявлением генетической связи отдельных элементов материальной культуры и быта армян с практиковавшимися формами скотоводства.

Эти вопросы в армянской этнографии специально не изучены. Лишь в отдельных работах армянские этнографы касались роли скотоводства в сложении тех или иных элементов культуры и быта. В этом отношении следует отметить работы С. Д. Лисициана (о жилых и хозяйственных постройках), Д. С. Вардумяна (о быте), В. А. Бояна (о земледельческой культуре), Э. Т. Карапетяна (о семейной общине и патронимии) и др.²⁸

В ряде работ по этнографическому характеру встречаются ценные наблюдения и замечания именно в интересующем нас аспекте. Еще в 1880 годах С. П. Зелинский указывал на бытовое значение отгонной формы скотоводства у армян. Он указал и отметил факт

¹⁸ См. Геродот, История, М., 1885; Ксенофонт, Анабазис, М., 1951, IV; Ստրաբոն (Հայերի և Հայաստանի մասին), 1940, стр. 33, 47, 51, 57, 61—62 и др.

¹⁹ В «Киропидии» Ксенофонта сообщается о борьбе между халдеем и армянами и о том, что благодаря усилиям греков между ними был заключен мир, согласно которому армяне получили право за определенную плату выпасать в летние месяцы свой скот на горных пастбищах (см. Հ. Մանգլյան, Քենական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հ. 1, Եր., 1944, Հավելված):

²⁰ См. Ստրաբոն, указ. раб., стр. 51.

²¹ См. Պատմության Հեղինակ Ջեմի վարդապետի հատոր. II. Պատմությունը, 1887:

²² См. Հովհաննես Դրասխանակերտցի, Պատմություն հայ թիֆլիս, 1912:

²³ См. Ստեփանոս Օրբելյան. Պատմություն Եսանդիկի Սրբուհի, Թիֆլիս, 1910:

²⁴ См. Мовсес Каганкатвадци, История армян, СПб., 1861.

²⁵ См. Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմություն հայոց, Եր., 1961:

²⁶ См. Мхитар Гош, Армянский Судебник, Ереван, 1954.

²⁷ См. там же, вступительная статья Б. М. Арутюняна, стр. XX и сл.

²⁸ Об этом см. С. Д. Лисициан, К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам). ИКИАИ, т. III, Тифлис, 1925; ego же, Историко-этнографические очерки Шатаха. Из материалов по изучению жилищ Армении, Тифлис, 1927, стр. 119—140; ego же, Крестьянское жилище Высокой Армении. ИКИАИ, т. IV, Тифлис, 1926; Д. С. Вардумян, Некоторые материалы по этнографии армян. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIII, 1960 г., стр. 33—34; Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, Ереван, 1958; ego же, Пережитки патронимических отношений у армян, М., 1964; ego же, Родственная группа «азг» у армян, Ереван, 1966 и др.

- 12 -

лось необходимым и возможным, сопоставлялись с архивными материалами³⁵, что давало возможность не только представить более полную характеристику рассматриваемых явлений, но и сделать выводы по некоторым общим вопросам армянской этнографии.

Приведенный краткий обзор источников и

литературы показывает, что формы скотоводства у армян (да и других народов Закавказья) не были предметом специального топографического изучения, несмотря на то, что в литературе накопился значительный материал по скотоводству. Исходя из этого, основное внимание будет уделено решению двух основных задач—изучению форм скотоводства у армян Восточной Армении во второй половине XIX—начале XX в. и выявлению генетической связи отдельных элементов материальной культуры и быта населения с различными способами ведения скотоводческого хозяйства.

³⁵ Использованы фонды Центрального государственного исторического архива Армянской ССР, № 101, 113, 130 и 133, где содержатся сведения о количестве скота, использовании летовок и зимовников, о сборе налогов за пастбище скота и др.